
МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

О ПЕРЕРАБОТКЕ МИХАИЛОМ ЛОЗИНСКИМ ПОЭТИЧЕСКИХ ПЕРЕВОДОВ ИЗ “ДОН КИХОТА”

© 2013 г. К. С. Корконосенко

Сопоставление разных изданий советских переводов “Дон Кихота” Сервантеса и разыскания в архиве М.Л. Лозинского позволяют восстановить историю работы М.Л. Лозинского над стихотворениями в тексте романа. Переводчик работал над этими текстами в течение двадцати пяти лет.

Comparison of several Soviet editions of Cervantes’s *Don Quixote* and research in Mikhail Lozinsky’s archive allows reconstructing his work on the verses occurring in the novel. The translator has been revising these texts for 25 years.

Ключевые слова: история перевода, “Дон Кихот”, М.Л. Лозинский.

Key words: history of translation, *Don Quixote*, Mikhail L. Lozinsky.

Как известно, в конце 1920-х–начале 1930-х годов был создан новый перевод “Дон Кихота” на русский язык. Том первый вышел в издательстве “Academia” в 1929 г.; в 1932 г. вышли вместе том первый и том второй. Как показали недавние архивные разыскания М.А. Толстой [1] и А.М. Грачевой [2; 3], “перевод под редакцией Б. Кржевского, А. Смирнова”, который до недавних пор неофициально было принято называть “переводом Григория Лозинского”, на деле представлял собой коллективный труд, в котором принимали участие как минимум четыре переводчика прозы: Г.Л. Лозинский, К.В. Мочульский, Б.А. Кржевский и А.А. Смирнов¹. Последние двое не только переводили, но и редактировали, сводили воедино полученные фрагменты прозаического текста.

Сейчас, к сожалению, сложно установить наверняка, какие именно главы переводил каждый из этих выдающихся русских филологов, однако фамилии переводчиков стихотворений из первой части указаны во вводной статье А.А. Смирнова «О переводах “Дон Кихота”»: «Встречающиеся в тексте “Дон Кихота” стихи специально переведены для настоящего издания М.А. Кузминым и М.Л. Лозинским...» [5, с. ХСІ]. Далее Смирнов скрупулезно указывает, какие именно стихи пере-

вел Кузмин, а какие – Лозинский. Во втором томе такое же указание стоит в конце книги, после примечаний.

Перевод под редакцией Кржевского и Смирнова несколько раз переиздавался – вплоть до 1951 г.; впоследствии он был “заменен” переводом Николая Любимова, весь корпус стихов в котором перевел уже один Лозинский. Возможные причины такого решения анализирует В.Е. Багно: “Прежде всего, конечно, могло быть давление со стороны издательства, не желавшего печатать если и не совсем запрещенного, то уж во всяком случае чуждого эпохе поэта (хотя имя Кузмина не было совсем вычеркнуто из литературы). С другой стороны, принципы утвердившейся к тому времени советской школы литературного перевода могли диктовать необходимость – в этом случае эстетическую – добиваться максимальной стилистической однородности, и Михаил Лозинский, один из основоположников этой школы, не мог оспаривать справедливости этих требований” [6, с. 434–435].

Затем (начиная с 1970-х годов) перевод Любимова, на многие десятилетия совершенно вытеснивший работу предшественников, издавался со стихами в переводе уже не Лозинского, а Юрия Корнеева. Перевод под редакцией Кржевского и Смирнова (в его первоначальном виде, с указанием на вклад Михаила Кузмина и Михаила Лозинского) снова начали издавать уже в постсоветское время, а в 2003 г. он вышел в свет в серии “Литературные памятники”. В наши дни, судя

¹ Известно также, что к переводу первоначально была привлечена и Елизавета Дмитриева (Васильева, известная под псевдонимом “Черубина де Габриак”), однако в окончательную редакцию ее тексты не вошли: «Переводы мои из “Дон Кихота” никогда не были напечатаны и где-то пропали», – писала она Е. Я. Архипову в 1928 г. [4, с. 96].

по выходу в свет новых переизданий, две версии романа Сервантеса, созданные в советскую эпоху, сосуществуют на книжном рынке на равных. Такова вкратце необычная судьба издания стихотворных переводов Михаила Лозинского из “Дон Кихота”.

Я решил разобраться в этой истории несколько подробнее. Мне удалось поработать в частном архиве Михаила Лозинского, хранительницей которого является Ирина Витальевна Платонова-Лозинская². Я рассчитывал найти черновики переводов или хотя бы какие-нибудь упоминания о работе над ними. В архиве, который очень тщательно вел сам Лозинский и содержит в образцовом порядке в его бывшей квартире³ его наследница, есть специальная папка под названием “Окончательная редакция моих переводов (Перечни поправок к изданным текстам)”. К сожалению, меня постигло разочарование: в отличие от перечней поправок к “Назидательным новеллам”,⁴ “Валенсианской вдове” Лопе де Веги, “Сомнительной правде” Аларкона и другим переводческим шедеврам, о “Дон Кихоте” сказано предельно скупо:

Сервантес. Стихи к “Дон Кихоту”

(Изд. “Academia”)

Для тома I – исправное издание: 2-е, 1932 г.

Подчиняясь этому указанию, я решил сверить переводы в изданиях 1929 и 1932 годов. На взгляд, по оформлению и по оглавлению эти томики совершенно неотличимы между собой: в них те же вводные статьи, ровно столько же страниц, те же иллюстрации Гюстава Доре. Но почему же Лозинский отдал предпочтение тому первому 1932 г.?

Раздобыв оба издания, я принялся сличать – строчку за строчкой – стихотворения, переведенные Лозинским; работу упрощало то, что их расположение в тексте совершенно не изменилось. Разночтений оказалось крайне мало: исправлены (или, наоборот, появились) несколько опечаток в пунктуации [5, с. 16, 679, 810; 8, с. 16, 679, 810]; вместо “склон Сьерры Негры” напечатано “склон Сьерра Негры” [5, с. 808; 8, с. 808]; вместо “пишет через пень в колоду” появился более привыч-

ный вариант фразеологизма “пишет через пень колоду” [5, с. 15; 8, с. 15]; и, наконец, самое значимое исправление: в Сонете, посвященном форту, вместо “Взошли в блаженную обитель рая” – “Взнеслись в блаженную обитель рая” [5, с. 15; 8, с. 617]. Этот вариант более труден для произношения, зато лучше согласован грамматически, лучше подходит по смыслу и ближе к испанскому варианту (“subieron”):

От этого разгромленного края,
От башен, рухнувших в огне и в дыме,
Три тысячи отважных душ, живыми,
Взнеслись в блаженную обитель рая.

Как видим, правки совсем немного, и тем не менее М. Лозинский (возможно, в сотрудничестве с редакторами) специально пересмотрел свои переводы и внес изменения в текст спустя три года после первого издания.

Пользуясь тем же методом, я сверил также и переводы Кузмина в публикациях 1929 и 1932 годов. Помимо исправления орфографических и пунктуационных опечаток (и появления новых) [5, с. 167, 168, 169, 170, 372, 505, 508, 527; 8, с. 167, 168, 169, 170, 372, 505, 508, 527], удалось обнаружить лишь два примера значимой смысловой правки: в стихотворении Лотарио вместо “Женщины – как есть стекло...” читаем “Женщина – как есть стекло...” [5, с. 508; 8, с. 508], что ближе к оригиналу (“Es de vidrio la muger...”) и синтаксически правильнее согласуется с продолжением фразы; и, наконец, в заглавии одного из стихотворений на книгу о дон Кихоте Ламанском Доносо назван поэтом не “смешанного”, а “помешанного” стиля [5, с. 20]⁵. Принадлежит ли эта правка самому Кузмину или же редакторам – судить трудно.

Как уже было сказано, работа Михаила Лозинского над “Дон Кихотом” на этом не закончилась: к изданию 1951 г. он перевел все стихи, которые до этого публиковались в переводе М. Кузмина⁶. Благодаря архиву и личной аккуратности Лозинского мы имеем возможность установить точные даты этой работы. В данном случае, как представляется, речь идет об уважительном отношении к собственному труду, об осознании его объективной значимости. Итак, в архиве хранится отдельная папка, озаглавленная “Моя библиография”, и в ней нашлась интересующая нас информация:

⁵ Впоследствии М. Лозинский перевел это значимое имя; получилось “Весельчак, сумасбродный стихотворец” [9, с. 22].

⁶ Сопоставление нескольких переводческих подходов к этим стихотворениям см. в статье В.Е. Багно [6].

² И. В. Платонова-Лозинская – соавтор статьи о М.Л. Лозинском в биографическом словаре “Русские писатели. 1800–1917” [7, т. 3, с. 382–384]; о современном состоянии архива см.: Мой район. Петроградский район (Газета). № 48 (94). 17 декабря 2004. С. 4–5.

³ С.-Петербург, Каменноостровский пр., д. 73.

⁴ Над “Назидательными новеллами” Лозинский работал в соавторстве с Б.А. Кржевским: первый переводил стихи, второй – основной массив текста, то есть прозу.

Сервантес. Стихи к “Дон Кихоту”, т. I.
15–28. VII. 1947

Сервантес. Стихи к “Дон Кихоту”, т. II.
2–17. XII. 1947

Мне осталось еще раз проделать сходную работу с книгами – то есть сопоставить двухтомные издания 1932 и 1951 годов (не упуская из виду и издание первого тома в 1929 г.). Точнее сказать, я воспользовался сведениями, полученными от Ирины Витальевны Платоновой-Лозинской, и работал с изданием 1953–1954 годов (М.: ГИХЛ, иллюстрации Кукрыниксов) – последним прижизненным изданием, которое вычитывал сам Лозинский. Сразу отмечу, что правка, внесенная в 1932 г., через ряд переизданий перешла и в вариант 1950-х годов; при этом был восстановлен случайно пропавший восклицательный знак в сонете Амадиса Галльского (поставленный еще в 1929 г.).

Для новой версии русского “Дон Кихота” Лозинский не только доперевел оставшиеся стихотворения, но и внес правку в давно переведенные им строки, выдержавшие уже с десятков изданий. И на этот раз правка была минимальной – но ведь для ее осуществления все равно требовалось пересмотреть все стихи (на двух языках) и заново над ними поработать, проверяя при этом, насколько поэтический перевод согласуется с новым переводом основного прозаического текста, выполненным Любимовым. В общем виде сопоставительную оценку двух переводов дал в 1988 г. В.Е. Багно: «Обе версии пользовались, а вторая и поныне пользуется, заслуженной любовью читателей. Это, однако, не значит, что роман в новом рождении не утратил в них каких-либо из своих качеств. В переводе 1929 г., например, стилистическая амплитуда скромнее сервантесовской. Он несколько более “интеллигентен”, чем следовало бы; ему явно не хватает временами просторечной сочности перевода Любимова (которая, впрочем, иногда по-пантагрюэлевски избыточна). Перевод же Любимова, в основе которого лежит безоговорочно-ренессансная концепция романа, свойственная 40-м – началу 50-х годов, не мог в силу этого в должной мере отразить барочные особенности стиля Сервантеса» [10, с. 175].

Какие же изменения появились в новой русской версии “Дон Кихота”? Разумеется, внесена правка в соответствии с происшедшими изменениями в орфографии и пунктуации. В строке “О властитель мантуанский” (глава V части первой) исчезла запятая после “О” и слово “мантуанский” написано со строчной буквы [8, т. 1, с. 72; 9, т. 1, с. 47];

слегка изменены первые три строки Сонета, посвященного Голете⁷. И, наконец, самое важное изменение в первом томе по сравнению с “переводом Кржевского и Смирнова”: в конце последней, 74-й главы Лозинский русифицировал имена академиков из Аргамасильи, написавших стихи “на жизнь и на кончину доблестного Дон Кихота Ламанчского”. Так, вместо Эль Мониконго появился Черномаз⁸, вместо Паниагуадо – Лизоблюд⁹, вместо Капричосо – Сумасброд¹⁰, вместо Бурладора – Зубоскал, вместо Качидьябло – Чертобес, вместо Тикитока – Тики-Так. Эти перемены, несомненно, согласуются с подходом нового переводчика к прозаическому тексту “Дон Кихота”. Если Кржевский и Смирнов значимые имена собственные транслитерируют и поясняют в комментариях, то Любимов последовательно их переводит, и мастерство в передаче таких имен критики часто отмечают как большую переводческую удачу¹¹. Так, Ла Толоса у Любимова – это Непоседа, Ла Молинера – Ветрогона, дон Клавихо – дон Тренбреньо и т.д. В этом ряду вполне объяснимо появление Черномаза, Чертобеса и прочих уважаемых академиков из Аргамасильи.

В главе XVIII части второй радикально изменено “заданное” стихотворение и глосса на него. Вероятно, правка началась с глоссы¹², а поскольку эти четыре строки должны содержаться и в заданном стихотворении, пришлось почти целиком

⁷ Ср.: Святые души, что от плоти бренной
Отрешены за праведное дело,
Возвысились от дольного предела
К высокой тверди, чистой и блаженной...
[8, т. 1, с. 616];
Святые души, вы, что с плотью бренной
Расстались ради праведного дела
И вознеслись от дольного предела
К высокой тверди, чистой и блаженной...
[9, т. 1, с. 306].

⁸ При этом именительный падеж исправлен на родительный для придания единообразия русскому тексту; здесь и далее ср.: [8, т. 1, с. 807–811; 9, т. 1, с. 395–398].

⁹ Причем в латинском словосочетании “in laudem” исправлена опечатка.

¹⁰ Поэтому из “изысканнейшего” академика он превратился в “остроумнейшего”, что ближе к испанскому “discretísimo”.

¹¹ См., например, рецензию Н.О. Медведева в журнале “Октябрь” (1952. № 4. С. 182–185).

¹² Ср.: Если б “было” стало “есть”,
Не меняясь никогда,
Иль свершилось навсегда
То, что смерть должна принести!
[8, т. 2, с. 219];
Если б мог я жить в былом,
Отрешенный от забот,
Иль изведать наперед
То, что сбудется потом!
[9, т. 2, с. 108].

переписать и его. В итоге повторяются только отдельные строки, отдельные слова и рифмы, можно сказать, перед нами два разных перевода, созданные одним и тем же мастером, связь между которыми помогает установить только детальное сличение (или чтение редакторского указания в конце книги). В длинном романсе Альтисидоры (глава XLIV) изменено единственное слово в первой строке: вместо “Ты, который на постели...” читаем “Ты, который на кровати...” (у Сервантеса было “lecho”) [8, т. 2, с. 525; 9, т. 2, с. 250]. Во втором романсе Альтисидоры (глава LVII) изменился предлог в рефрене: вместо “Ступай с Вараввой, пропади навеки!” – “Ступай к Варавве, пропади навеки!” [8, т. 2, с. 673–674; 9, т. 2, с. 320–321]. В том же романсе находим еще один показательный случай переводческой (или редакторской) правки: в издании 1932 г. было такое четверостишие:

Ты увозишь три косынки
И подвязки с ног прелестных,
Гладких, как бывает только
Мрамор, черненькие с белым.

Это синтаксически запутанное предложение пришлось снабдить примечанием: “Черненькие с белым – слова эти относятся к упоминающимся выше подвязкам”. Получается, что комментируется не сервантесовский текст, а перевод, что, конечно же, нежелательно. В 1954 г., чтобы упростить восприятие четверостишия после слова “мрамор” к запятой добавили еще и тире. На слух два эти варианта неразличимы, но комментарий к переводу был снят [8, т. 2, с. 673, 894; 9, т. 2, с. 321].

Такова история многолетней работы М.Л. Лозинского над стихотворениями из “Дон Кихота” Сервантеса. Представляется, что внимание к “мелочам”, к неточностям и опечаткам, которые неизбежны при публикации большого массива текстов, необязательное, казалось бы, возвращение к уже завершенной работе, стремление к улучшению сделанного – суть черты, характеризующие метод работы профессиональных переводчиков, представителей советской школы литературного перевода, у истоков которой стоял Михаил Лозинский.

К сожалению, приходится завершать это сообщение несложным, но пугающим арифмети-

ческим подсчетом. Со времени выхода в свет “Дон Кихота” Н.М. Любимова прошло 62 года. В русской истории романа Сервантеса с самого ее начала (перевод И.А. Тейльса 1769 г. [11]) ни разу не бывало такого долгого промежутка без появления нового перевода. Мне не кажется, что пришла пора отказываться от переводов “Кржевского – Смирнова” и Любимова, но все-таки с момента их создания изменился и язык, и представление о мире, и представление о романе Сервантеса. Ведь, как пронизательно заметил А.А. Смирнов, «если есть “бессмертные” литературные произведения, то “бессмертных” переводов не может быть, и чем замечательнее произведение, тем чаще должен возобновляться его перевод» [5, с. LXXXIII].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Толстая М.А. К проблеме авторства перевода романа Сервантеса “Дон Кихот” для издательства “Academia” // Известия АН. Серия литературы и языка. 2004. Т. 63. № 3. С. 56–59.
2. Grachiova A. *El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha* y los experimentos novelescos de A. Révizov de los años 30 del s. XX // *Lecturas Cervantinas* 2005. San Petersburg, 2007. P. 113–123.
3. Грачева А.М. Роман А.М. Ремизова “Учитель музыки” и его жанровый прототип // *Sub specie tolerantiae: Памяти В.А. Туниманова*. СПб., 2008. С. 504–513.
4. Испанские мотивы в русской поэзии XX века / Сост. Т.В. Балашовой. М., 2011.
5. Сервантес Сааведра М. де. Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский. Т. 1. Л., 1929.
6. Багно В.Е. «“Покроют плечи нежные камлотом...” (Михаил Кузмин как переводчик “Дон Кихота”)» // Багно В.Е. Россия и Испания: общая граница. СПб., 2006. С. 434–445.
7. Русские писатели. 1800–1917. Т. 3. М., 1994.
8. Сервантес Сааведра М. де. Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский. Т. 1–2. Л., 1932.
9. Сервантес Сааведра М. де. Дон Кихот. Т. 1–2. М., 1953–1954.
10. Багно В.Е. “Дон Кихот” в России и русское донкихотство. СПб., 2009.
11. История о славном Ламанхском рыцаре Дон Кишоте. Переведена с французского. Т. 1–2. В Санктпетербурге, 1769.